

Светлана МИХЕЕВА

ЯБЛОКИ НА СИНИХ ПЕРИЛАХ

* * *

В горьких сандаликах тихо
осень стоит за деревом,
не узнает ничего.
И узнавать-то нечего —
нет никого.

Только яблоки на синих перилах
блещут боками,
заигрывают с богами,
в землю ныряют,
в темные прятки играют.

Осень вокруг качается,
будто со всем прощается,
яблочными головами
шлет последний привет,
в этом привете сладость,
в этом привете слабость.
После чего садится
на старенький велосипед.

Рулит по дачной кромке.
В травах скрипучих, ломких
веселится ржавчина
солнечного огня,
выгрызает серединку,
по ветру шлет былинку,
яблочком куролесит
по сердцу, по блюду дня.

Мы притаились как бабочки,
как жуки или палочки.
Спрятались под крылечком,
чтобы нас не нашли,
осенью притворившись,
девчонкой в глупых сандаликах,
яблоки золотые,
темные и пустые,
нарядные, завитые
вихри сырой земли.

Боровск

Сели на жердочку, тонкую лавочку.
Видим, что снег.
Кружит у башни, блуждает вдоль стеночки,
как старикашка, сгибающая коленочки,
как человек.

Ползает мимо кровавого белого
в пустыни лет.
В этом чистейшем пространстве евклидовом
скоро обед.

Призраки иноков щемятся в трапезной,
под ноги зрят,
ибо от немощи несокрушимья
под полом рушатся узы фальшивые,
камни горят.

В горло кусок не идет, как подумаешь,
как ни юли.
Мы приближаемся к книге молчания
после того, как любви и отчаянья
книги прочли.

В сонмах фигур, проплывающих над полом
бродит озноб.
Словно Господь их опять переспрашивает:
где протопоп?..

Остров вынырнул, точно пловец.
Если можешь, лови
голоса этих тонких телец,
свет в усталой крови,

запредельный сигнал.
Обитателей сумрачных мест
напугал, разогнал
луч, вошедший в подъезд.

Ключ, вошедший в замок,
открывает внутри имена:
мы, ступив на порог,
возвратились из долгого сна,

пересилив волнение,
придав перспективу чертам,
предприимчивым зреньем
по новым расставив местам

все известные вещи,
нащупывая в белизне,
точно сеточку трещин
на старой безвестной стене.

И пока уплывает река,
посмотри на нее из окна,
да, добыча невелика —
остров, память, стена.

Может, лодка-другая,
из тех, что заходят на остров извне.
Вечность предполагая,
стой со мной на пустынной его стороне.

На поле, безветрием взяты в полон,
 страдают бездвижные хрупкие рати.
 А воздух, дрожащий от яда времен,
 ложится и бредит на узкой кровати.
 Он болен, такие идут до конца.
 Сломив дождевую волшебную ветку,
 орешник внимательный в позе писца
 согнулся над столиком в черную клетку.

Он пишет травы куликовский урок.
 На мреющих сопках, как древние книги,
 уже ощутимо шевелят песок
 из пушек палящие архистратиги,
 но все же еще не вошедшие в раж,
 и в этом начале дрожит узнаванье:
 предчувствие прошлого, горькая блажь —
 одно расставанье на все расстоянья.

Слепое сверканье событий и дней
 свивается в молнию в это мгновенье
 и топотом тысяч тяжелых коней
 вторгается в комнату без разрешенья.
 Фантомы склоняются лицами в явь,
 где жаждут себя обрести без возврата.
 Орешник пускает по струночке вплавь
 остатки больного осеннего злата.

Топорщатся ветры, вопят: не пущать!
 И гонят листву, и полощут знамена.
 И воздух, раздумав сейчас умирать,
 целует раненья победного клена.
 У дома струится слепая вода
 в своем искупительном праве рожденья.
 И женщиной медленной входит сюда
 без предупрежденья.